

Виктор Мишин

**ВЫЖИТЬ
ВОПРОКИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М71

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 167

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Мишин, Виктор
М71 **Моя война: Выжить вопреки: роман / Виктор Мишин.** — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-118822-1

Андрей Морозов, волею судьбы оказавшийся в тысяча девятьсот сорок первом году, конечно, попадает на войну. Не считая свои знания обширными, он не обращается к властям, а просто следует велению судьбы и воюет вместе с другими бойцами Красной Армии. Начало войны — время тяжелое для всех. Андрей отступает к Москве, попадая из одного подразделения в другое. По пути он постоянно находится на волосок от гибели, но упрямо выживает. Приказ ни шагу назад, голод, жара, холод, грязь — сможет ли наш современник выстоять?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118822-1

© Виктор Мишин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Звук топающих сапог вражеских солдат казался грохотом. В голове словно набат звучал: бумм-бумм, бумм-бумм. Я лежал возле развороченной взрывами ячейки, недалеко от дороги, по которой проходила колонна немецких войск, боясь пошевелиться. Дело в том, что я на войне, на Великой Отечественной. Подразделение, в котором я служил, только что раздолбали, как и многих до нас, вот и лежу, пытаюсь удержаться от того, чтобы не заорать. Страшно, очень страшно. Господи, сколько молодых и не очень людей полегло и еще больше поляжет в этой войне...

Зовут меня Андреем Морозовым. Мне двадцать один год. На дворе тысяча девятьсот сорок первый год, июнь месяц. Нахожусь я километрах в двухстах, может чуть больше, от западной границы СССР, куда меня привезли на днях из Минска. В столицу Белоруссии я приехал в вагоне-теплушке из Ярославля, где меня призвали в первых рядах, как уже отслужившего срочную службу, в действующую армию, то есть на фронт. Надо же так неудачно попасть! О чем именно говорю? Так я ведь не коренной житель этого времени, я — долбаный попаданец. Так-то. Случилось все как-то внезапно, на работе упал

с высоты, так, метров десять, не больше, да вотхватило, видно. Там мне было тридцать пять, здесь двадцать один, вторая жизнь, блин блинский. Работал в строительной компании, вот и доработался. Тело, в которое я попал, было не только молодое, но еще и крепкое. Роста в «теле» было около метра восьмидесяти, в плечах не очень широк, но и не задохлик. ТАМ у меня было всякое за мои долгие тридцать пять, через многое прошел, многое попробовал. Теперь, видимо, придется вспоминать, обязательно нужно вспомнить, все свои умения и навыки, чтобы просто прожить хотя бы на день дольше, чем другие бойцы.

Сюда попал две недели назад, толком даже осмотреться не успел, как война началась. Повестку принесли быстро, оперативность тут была на высоте, да и родные пособили в этом. Уже двадцать пятого июня я выехал в Минск. Родители «тела» мгновенно собрали меня в долгий путь. Хоть и плакали, но мне казалось, что они даже рады тому, что я уйду. За все короткое время, что был в этом мире с новыми родителями, усвоил одно, водка — беда! Мой новый батя пил так, что я аж икал вначале от удивления. Мама регулярно получала от него люлей, до моего появления, конечно. Когда уже при мне такое случилось, папаша быстро как-то протрезвел.

— Слышь, батя, еще раз руку поднимешь на мать, я тебе эту самую ручонку сломаю! — сказал я тогда в сердцах, что поделать, естественная реакция, но папаша охренел от моего наезда.

Мужик он был довольно крепкий, поэтому озверел мгновенно. Сбив меня с ног ударом кулака в ухо, он даже намылился попинать сапогами по ребрам, но я, наконец, «проснулся». Да, тут привыкли уважать мнение главы семьи, пусть даже он прожженный алкаш. Мать получала по лицу просто так, для порядка, а этот боров наслаждался, видимо. Может, даже и хорошо, что все так случилось. Именно это происшествие помогло быстрее все осознать и смириться с судьбой. Поймав тогда ногу папаша, летевшую мне в бок, я с силой ее крутанул вокруг своей оси, заставив родственничка грохнуться на пол. Тот взвыл, как кабан, и попытался было встать, но я уже был возле него. Схватив за правую клешню, я быстро присел и, воспользовавшись своим коленом как подставкой, сломал отцу руку в локте. А затем чуть не получил уже от мамышши поленом по голове. Вот почему и говорю, что предки были рады моему отъезду на фронт. Представляете, мама тогда еще два дня на меня огрызалась за то, что сломал клешню этому, блин, любителю бить женщин. Кормильца лишил возможности работать. Начавшаяся война помирила нас, но вот ощущение постоянной лжи, идущей от родителей, не отпускало. Так уж случилось, что я и в той, прежней жизни рано остался без родных, так что и здесь не особо переживал. Но о прошлом не буду, это табу, мне очень тяжело его вспоминать, тем более у меня теперь новая, может и короткая, но все же интересная жизнь.

«Господи, да сколько же их?» — в голове уже просто вопил какой-то суслик, заставляющий меня встать и бежать прочь отсюда. Но я не мог пошевелиться. Во-первых, на мне еще пара таких, как я, лежит, точнее, им похуже будет, они мертвые. А во-вторых, куда бежать-то? Кругом фрицы, мать их за ногу. Вон, два часа уже мимо колонной идут и все никак не пройдут. Вот и вкусил я, наконец, все прелести первых дней войны. Прямо с эшелона начался мой военный путь. Везли нас в Гродно, но не довезли. Поезд раздолбали с воздуха, и пришлось сначала убегать в сторону, а затем по приказу политрука нашего батальона возвращаться к составу и вытаскивать из лежавших вагонов все и всех, кого и что можно было достать. Вагон, в котором ехало оружие для целого полка, получил самую первую бомбу и разлетелся по окрестностям. До места назначения топали с одной винтовкой на троих, уж сколько было, я тут ни при чем. Да и все равно не дошли. Возле одного из небольших мосточков, переброшенных через различные речушки, нас тормознули какие-то ухари. Возле обочины стояла черная «эмка», из нее вылез аж цельный полковник и приказал батальону занимать позиции возле моста. Приказ был... О, приказище, а не приказ. Нас было двести четыре человека в батальоне, а приказали нам, ни много ни мало, остановить врага и не дать ему переправиться. Нормально так, чего, вполне себе выполнимо, мы вообще его разгромить могли бы, нас же целых две сотни непобедимых крас-

ноармейцев! Оружия нет? О, лучше бы наш командир, капитан Башмаков, даже и не заикался об этом. Его обвинили в трусости, в разгильдяйстве и халатности. Хотели даже увезти с собой, да начштаба батальона вступился, полковник и отстал. «Эмка» тут же уехала, а мы получили приказ окапываться. Полностью прочувствовал на себе, что такое знаменитые стрелковые ячейки. С одной стороны, вроде бы хорошо, копать не слишком много, а вот с другой... Еще до первого боя мне было страшно. Страшно сидеть одному, без оружия, без продовольствия, сидеть в этой ямке и... Бояться. Было ужасно страшно. Казалось, все уже давно плюнули на все и разбежались. Прислушаешься, нет, кто-то вроде скребется рядом, вроде успокаиваешься, но через пять минут снова слушаешь. И постоянное чувство голода...

В первый раз немцы появились после обеда. Часов у меня не было, так что, во сколько точно это произошло, не знаю. Я сидел в своей норе и внезапно услышал выстрел. После третьего любопытство все же пересилило страх, и я решил вылезти и посмотреть, что происходит. Увидел только улепетьвающий от нас мотоцикл с коляской, врагов даже не разглядел. Что-то темное осталось лежать на земле, но что это такое, я не знал. Байк, видимо, не доехал до моста, когда его обстреляли наши бойцы, развернулся и дал деру. Значит, сейчас он сообщит о том, что его тут обидели, и все, придут его друзья, заступаться. Я уже начал потихоньку привыкать

к происходившему вокруг, к требованиям командиров, безалаберности бойцов, к медленному течению времени. Куда ни глянь, все настолько непривычно, что иногда выводит из себя. С одним бойцом, помню, еще на вокзале поспорили. Я подошел время спросить, а он лишь кивнул и отвернулся. Но часы-то на его руке я видел, поэтому и подошел вообще. Напомнив о себе, бы удивлен ответом:

— Чего пристал, сейчас посмотрю! После этого мне уже стало плевать на время, я просто ушел.

До вечера немцы так и не появились. Доел последний сухарь, да, выдали днем по горсти черных сухарей, мне было жутко интересно, почему командиры не посылали никого на ту сторону моста. Зачем? Так фриц-то на мотике явно был не в одиночестве, а уезжал один водитель, понятно? Блин, да трофеи собрать, вот зачем! Я еще совсем не понимал, что такое война, но вот почему-то мысль о трофеях не давала покоя. Наверное, это потому, что у самого не было ни фига, ни еды, ни воды, ни оружия. Если найду из чего стрелять, может, и страх куда-нибудь пропадет.

Я никому не озвучивал своих мыслей, да и некому было меня слушать, все так же сидят в своих ячейках и не отвечивают. Дождавшись, когда полностью стемнеет, я осторожно вылез из ямки и посмотрел вокруг. Чуть в отдалении, возле роши, что находилась метрах в двухстах, была установлена палатка. Наверняка отцы ко-

мандиры там. Еще раз убедившись, что на меня никто не смотрит, точнее, не видит, темно уже, я осторожно пошел к мосту. Тут до него было метров сто, моя яма была практически в первой линии, копали мы, можно сказать, в шахматном порядке. Пошел, это, конечно, сильно сказано, крался я так, что боялся дышать. Добравшись до моста, ползком перебрался на ту сторону и стал искать трупы, которые удалось разглядеть вечером. Странно это все, нам вроде как запрещено использовать вражеское оружие, но осмотреть убитых-то можно было! Мало ли чего у них с собой было. Карты, еда, да блин, оружие-то тоже необходимо, говорю ведь, что своего-то нет. Как воевать? Мародерство? Да по барабану.

Нашел. Хоть и пришлось буквально ползать по траве, так как было темно, но нашел. А хорошо у нас кто-то пострелял. Два трупа в немецкой форме и мотоцикл. Оказывается, мотиков было два, второй был одиночкой и, видимо потеряв наездника, рухнул на землю. Кто был вторым трупом, непонятно, то ли пассажир с одиночки, то ли с того, что успел удрать. Так или иначе, но я стал обладателем немалых трофеев. У одного на шее был автомат, рядом с другим лежала винтовка. Причем наша, СВТ. А еще в будущем, помню, читал как-то, что фрицам нравились наши «Светки», а вот советские бойцы их только хаяли. Собрав все из карманов убитых фрицев, а было немало, не брал только деньги, зачем они мне, я рассовал все по двум ранцам, что были на убитых. У того, что был с автоматом, водитель мото-

цикла, как я думаю, был еще и пистолет в кобуре. Взвалив на себя немалую поклажу, я двинул назад. Удивительно, но почему-то было почти не страшно. Блин, надо было с фрицев сапоги снять, а то в этих долбанных ботинках с обмотками я уже замучился ходить. Решил, что сделаю еще одну ходку, но, видно, не судьба. Только успел подойти к своей ячейке, причем в этот раз меня уже видели, многие ребята сидели возле своих ям, как попал под раздачу.

— Ты где был, боец? — Блин, а на фига так орать-то, врага привлекать? На меня орал командир нашего батальона, капитан Башмаков. Оказывается, он с командирами рот и взводов обходил позиции, а меня не было в ячейке.

— Виноват, товарищ командир. Добывал оружие, чтобы было чем бить врага! — отчеканил я, но не громко.

— Чего? — даже споткнувшись от моего заявления, спросил командир. — Чего ты делал?

— Добывал оружие, товарищ командир. Днем видел, как были уничтожены солдаты противника. Решил сходить и взять оружие. Ведь у нас нет своего, а приказ оборонять мост есть.

— Ты откуда такой умный? — спросил уже начштаба.

— Красноармеец Морозов, призван из запаса... Вот, товарищ командир, возьмите, вам пригодится! — с этими словами я протянул капитану немецкий пистолет-пулемет и запасные магазины к нему, а также бинокль, уж этому подарку он наверняка порадуетя.

— Ты еще что-то взял?

— Да, вот, — я указал на ранцы, — если можно, винтовку я оставляю себе...

— Оставь, патроны-то к ней есть? А то у нас ведь и патронов кот заплакал.

— Да, в ранце лежали, больше сотни, — удовлетворенно ответил я.

Надо ли говорить, что забрали у меня все, что принес, за исключением винтовки и патронов. Правда, я был немного нечестен, утаил две гранаты, спрятал к себе в сидор еще там, возле трупов.

Думал, что все будет хорошо теперь, но утро началось с политинформации. Политрук битый час объяснял бойцам, что красноармеец Морозов поступил плохо. Во-первых, он обокрал убитых, во-вторых, взял оружие врага, а это показательно, делать этого нельзя. Ну и, в-третьих, ушел с позиции, никого не предупредив, то есть чуть ли не дезертировал. Везде я был неправ. Меня поставили перед строем, где потребовали обещать больше такого не делать. Я был удивлен, что меня вообще не расстреляли тут, поэтому чуть расслабился. Политрук вдруг добавил, что вообще-то мне полагается трибунал. Вот тут я и провалился...

— Товарищ политрук, а как же воевать, если своего оружия у нас нет, а вражеское вы брать запрещаете? — Дайте мне самое большое полено, я об него убьюсь. Ну, не понимаю я таких ограничений. Надо сразу заметить, человек я прямой и никогда не молчу, если совершают глупость

или ко мне несправедливо относятся. Начальник ли, командир, я всегда говорю правду и как есть. И терпеть не могу, когда лебезят.

— Взяв в руки оружие врага, вы тем самым показываете ему, что цените именно оружие противника, значит, считаете советское оружие плохим!

— Товарищ политрук, так нет же советского. А вообще, я же нашу, советскую винтовку у них и забрал, вот же она! — с этими словами я снял винтовку с плеча и показал этому горлопану. — Немцы же пользуются нашим оружием, для того чтобы нас убивать. А я считаю, для уничтожения врага все средства хороши.

— Но ведь ты же и немецкое взял? — не уни-
мался политрук.

— Да, но я его сдал...

— Бойцы, партия Ленина—Сталина дает нам лучшее оружие в мире, никогда не берите пример с таких бойцов, как Морозов... — Бла-бла-бла. Конечно, не нужно брать пример с меня, берите с трусов и паникеров или политруков. Они вас живо научат, как быстренько сдохнуть за Родину. Как меня бесит уже эта болтовня, кто бы знал! Посмотрев по сторонам, поймал взгляд командира батальона. Увидел его и даже не понял, показалось мне или нет. Командир мне подмигнул и кивнул головой. У него на груди висел немецкий трофейный автомат. Ну, или пистолет-пулемет, не важно, как именно он зовется.

Избавил и меня, да и всех бойцов от этой болтовни тот же командир батальона. Просто

дождавшись паузы в речи политрука, он громко объявил:

— Заканчиваем политинформацию! Бойцы, по местам! — И все ломанулись в свои ячейки. Очевидно, что бойцы, так же как и я, страдали от такой партийной заботы. Нет, согласен, политическая работа в армии нужна, но все должно иметь свои рамки.

Очень хотелось есть, кажется, я уже больше ни о чем не думаю, кроме еды. Блин, чего я лоханулся и не положил в свой сидор что-нибудь из жратвы. У фрицев были консервные банки в ранцах, не знаю только с чем. Еще какие-то хлебцы в бумаге, или это галеты были, черт его знает. Одно скажу, если бы похитрее был, сейчас бы сидел сытым.

Солнце начинало жарить. Утро еще фактически, но жара стоит... Блин, речушка совсем ведь рядом, а не искупаться. Вчера, после «раскопок» бойцы так просили разрешить им окунуться, но нет, ждем врага, какое купание. От нечего делать решил разобрать винтовку. Я ведь о ней, если честно, почти ничего не знаю. Подумав, решил найти старшину, есть тут один мужичок, сам видел, как он объяснял одному молодому бойцу, как нужно ухаживать за оружием. Вылез на «волю» и осмотрелся. Все чего-то делают, копошатся. Кто-то курит, у меня, кстати, вообще нет табака, да и не хочется пока вроде, кто-то читает газету. Нормально так, врага ждем. Старшина оказался возле рожи, шел от палатки командиров.